

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ ДОВМОНТ-ТИМОФЕЙ: КНЯЖЕНИЕ ВО ПСКОВЕ

*Дубовский А. Е.
(Санкт-Петербург)*

Святой Довмонт-Тимофей почитается в чине благоверных князей как воин и небесный покровитель Пскова. Первые два столетия память о нем сохранялась в городе, где он княжил. В первой половине XIV в. его краткое житие записано в Пролог [7, с. 401–402]. С конца XVI в. после осады Пскова войсками Стефана Батория Довмонт стал общерусским святым, и в XVII в. заступничеству святых Всеволода-Гавриила и Довмонта-Тимофея прибегали албазинские казаки на дальней границе с Китаем [1, с. 106–110]. В данной статье мы рассмотрим жизненный путь, указав на причины, которые послужили долгой посмертной памяти и прославлению.

Довмонт происходит из Нальшан – северо-восточной части литовского государства, которая граничила с полоцкими владениями [2, с. 195–201]. Литовский князь Миндовг в 1251 г. принял крещение по католическому обряду и через два года короновался. Крещение приняли и многие представители литовской знати. Неизвестный латинский автор, посетивший Литву в 1250-х гг, написал, что в Нальшанах среди язычников литовцев уже живут христиане: «Упомянутые Лектавы, Йетвезы и Налсаны с легкостью крестятся, потому что христианские няньки их выращивают с колыбели. Так что мы сможем в безопасности среди них пребывать» [24, с. 218]. Известно, что в ближайшем окружении Миндовга после коронации оставались приверженцы православного обряда – его старший сын Войшелк вступил в конфликт с отцом по той причине, что стал жить в монастыре под Новогородком [3, с. 141]. Таким образом, вопрос о времени крещения Довмонта и обряде, в котором оно было совершено, не может быть решен – его сюзерен принял христианство в латинском обряде, а на

территории Нальшан проживали также христиане восточного обряда. Довмонт и Миндовг были женаты на сестрах [23, с. 453]. Следовательно, его положение среди литовских князей было достаточно высоким. В конце правления Миндовг отрекся от христианства, и после смерти своей жены взял в жены ее сестру, которая была замужем за Довмонтом. Оскорбленный муж «печален бысть о сем велми, мысляши бо, абы како убити ему Миньдовга, но не можаше, зане бысть сила его мала, а сего велика» [3, с. 141]. Нальшанский князь вступил в заговор с племянником Миндовга Тренятой и решился на убийство. Историки по-разному оценивали достоверность деталей этого рассказа. Э. Гудавичюс инициатором выступления считал Треняту, полагая что руками Довмонта он устранил не только Миндовга, но и его сыновей [4, с. 66]. Довмонт стал одним из главных участников смуты. Убийство Миндовга датируется 5 августа 1263 г. [23, с. 453]. Вместе с Тренятой в Литве победило язычество, но новый князь сам пал жертвой заговора. В 1264 г. сын Миндовга Войшелк оставил монастырь на три года и отправился в Литву мстить за отца [3, с. 323]. Войшелк стал княжить и «вороги свое избивати, и изби их бесчисленное множество, а друзии розбегошеся, камо кто видя» [3, с. 142]. Довмонт был в числе упомянутых «ворогов» как убийца отца и братьев Войшелка, поэтому вынужден был спасаться бегством. Новгородская летопись сообщает, что в конце 1264 г. в Псков прибыли 300 литовских семей, которые согласились принять православие [10, с. 85, 314]. Новгородцы «хотеша их исещи», но за беглецов вступился псковский князь Святослав Ярославич. Как отметил Д. Г. Хрусталев, маловероятно, что Довмонт прибыл отдельно от этой группы [23, с. 455]. Рогожский летописец называет иное число соратников Довмонта – «70 друзей» [16, с. 33], но разница объясняется тем, что речь идет о дружинниках нальшанского князя, включенных в состав трехсот. Все указывает на то, что Довмонт был лидером группы. В момент его появления в Пскове численность псковской общины уве-

личилась приблизительно на 300 новых христиан. Для средневекового Пскова это немалая цифра. Рогожский летописец упоминает о крещении князя в 1264 г., в новгородской летописи сообщается о крещении переселенцев. Переселение в Псков и крещение стали одними из главных рубежей биографии князя. Связав свою судьбу с Псковом, Довмонт не предпринимал попыток возвращения в Литву. Его окружали новокрещенные выходцы из Нальшанской земли, часть из них входила в состав старой княжеской дружины. Довмонт получил имя в честь мученика Тимофея Газского (Кесарийского, память 19 августа), следовательно, крещение можно датировать 19 августа 1264 г. [23, с. 456]. На печати, привешенной к грамоте Якимы и Тешаты, которая составлена личным писцом князя («а псаль Довмонтовъ пи-сець»), изображен св. Тимофей [18, с. 15; 21, с. 8–9].

Противником Пскова во время правления Довмонта было Орденское государство, не меньшую опасность представляли литовцы. Псковские отряды на протяжении многих лет несли поражения от «поганой литвы» – в 1239 г. на Камне, в 1240-м у Изборска, в 1247 г. на Кудеи [23, с. 457]. Длительный период литовских набегов оставил память в легендах на русском северо-западе, сохранявшуюся до недавних времен [25, с. 178]. Княжение литовца на псковском столе и его посмертное прославление само по себе исключительно. В древнерусский период в числе св. благоверных князей прославлялись, как правило, представители княжеского рода Рюриковичей. Появление среди них человека, не принадлежавшего к этой династии, является оценкой выдающейся роли Довмонта, которую он сыграл в эпоху глубоких изменений, которые переживала Русь на пике раздробленности, после катастрофического монгольского нашествия и под гнетом Золотой Орды.

В литературе XIX в. указывалось, что утверждению на княжеском столе в Пскове могла способствовать княжна Евфросиния, которую предание считало теткой Довмонта, но информация об их родстве

появилась в поздних источниках [13, с. 38–40]. Неизвестно, каким образом из Пскова вытеснен предшествующий князь Святослав, но до той поры, пока Довмонт не совершил свой первый поход в Литву, не возникло враждебности между ним и великим князем Ярославом Ярославичем. В начале правления Довмонт не был самостоятельным в отношениях с великим владимирским князем. Сохранялась и зависимость от Новгорода – таким образом, на этом этапе его можно считать служилым князем. Задачи князя ограничивались руководством военными экспедициями, поначалу – на враждебную псковичам Литву. Политика Довмонта соответствовала интересам той части псковского общества, которая стремилась к повышению значения города в системе севернорусских княжений. Псков в этот период не имел княжеского стола, будучи пригородом, который «тянул» к Новгороду. В первом походе Довмонт проявил умение и был оставлен горожанами в качестве постоянного военачальника-воеводы. Решение о военном предприятии принято без учета мнения великого князя. Летописец, повествуя об этих событиях, подчеркнул, что целью похода была месть за многочисленные литовские набеги: «вложи Богъ в сердце Довмонту благодать свою побороти по святой Софьи и по Святой Троици, отмстити кровь христьянскую» [10, с. 85, 314]. Были захвачены жена и дети нальшанского князя Герденя. Довмонт не убил сына своего политического противника, а отправил его в качестве полона великому князю (который ранее княжил в Твери). Сын Герденя, в монашестве Андрей, в 1264 г. стал игуменом Тверского Богородичного монастыря, а с 1289 г. тверским епископом [4, с. 101]. В течение двух лет повторялись походы в Литву, во время одного из них псковичей сопровождали новгородцы под руководством Елферия Сбыславича. Великий князь Ярослав Ярославич участия в экспедициях не принимал, что может говорить о проявлении самостоятельности новгородских бояр, которые в Довмонте увидели противовес влиянию Ярослава. В то же время, как отметил Д. Г. Хрусталева, литов-

ский князь никакой фронды великокняжеской власти не представлял, его задача состояла в том, чтобы включиться в русскую княжескую иерархию, а не проявлять сепаратистские тенденции [23, с. 465].

Результаты походов Довмонта против литовцев, направленные на разрушение базы для литовских набегов, повысили его авторитет в Пскове и Новгороде. В 1268 г. князь присоединился к новгородской экспедиции против Ордена на территорию Эстонии. 18 февраля 1268 г. состоялась Раковорская битва (исследование обстоятельств битвы см. [23, с. 468–519]), в которой приняла участие коалиция русских князей. Псковичи во главе с Довмонтом на поле битвы стояли по правую руку. Исход сражения не был катастрофическим ни для одной из сторон, вскоре объединенные войска Дмитрия Александровича отступили, продолжая разорение владений Ордена. Довмонт самостоятельно добрался до морского побережья (Виронии) и с добычей вернулся во Псков [13, с. 190].

В силу географического положения и участия в коалиции, Псковские земли стали объектом мести ливонцев за разорение орденских земель. В июне того же 1268 г. состоялся ответный поход на Псков, возглавленный ландсмагистром Отто фон Лютербергом. Новгородский летописец отметил многочисленность ливонского войска: «Придоша Немци в силе велице подь Пльсковь» [10, с. 87, 318]. За стенами псковских укреплений Довмонт выдержал десятидневную осаду и благодаря помощи новгородского отряда, который пробрался в Псков, смог защитить город.

К событиям 1268 г. относится знаменитый эпизод освящения меча, о котором рассказывает Повесть о Довмонте [10, с. 87, 318]. Отметим, что происхождение знаменитой реликвии Троицкого собора остается окончательно невыясненным. При осмотре меча в 1911 г. сделан вывод, что меч укорочен со стороны рукояти, и ранее был длиннее [11, с. 94], это заключение в наши дни подтвердила Ю. Ф. Игина, по мнению которой сохранившийся клинок имеет церемониаль-

ное значение и может быть датирован XVI–XIX вв. [5, с. 159]. Ранее И. Толстой и Н. Кондаков также полагали, что меч изготовлен в память о Довмонте [22, с. 175]. Тем не менее, А. Е. Мусин не исключал возможности того, что в Пскове сохранялась реликвия меча – на том основании, что в Пскове был найден также предполагаемый «доспех Довмонта», следовательно, псковская культура памяти предполагала особое внимание к оружию (о чем свидетельствует и наличие в Пскове второго меча-реликвии св. Гавриила-Всеволода [9, с. 230–236]). Вопрос о появлении первоначальной почитаемой реликвии Довмонта остается открытым – нельзя исключить, что меч как атрибут князя из Повести использовался при церковных празднествах и до 1581 г.

В 60-х гг. XIII в. Довмонт оставался скорее воеводой или служилым князем. Шаткость положения подтверждается тем, что в 1266 г. Ярослав Ярославич предпринимал попытку его смещения. Согласно предположению А. В. Кузьмина, эта попытка увенчалась успехом в 1270 г., когда в Пскове княжил другой литовский князь Айгуст [6, с. 521]. Тем не менее, еще в начале 1270-х гг. Довмонт во главе псковских отрядов отражал ливонские набеги, предпринятые согласно тактике «рейзов». 23 апреля 1271 г., в день памяти великомученика Георгия на реке Мироповне он нанес поражение крупному отряду немцев, который шел с полоном, взятым в псковских селах [13, с. 190–191].

А. В. Кузьмин обратил внимание на то, что Довмонт не упоминается в летописании с 1273 по 1277 г. – в то время, когда в Новгороде княжил Василий Ярославич, что позволяет ставить вопрос о том, не были ли Довмонт смещен с псковского стола. Положение изменилось во второй половине 1270-х гг., когда великий князь Дмитрий Александрович активно искал поддержки Довмонта и около 1282 г. выдал за него свою дочь. Мария Дмитриевна, в иночестве Марфа, пережила супруга на 18 лет и скончалась 6 ноября 1317 г. Запись о смерти содер­жится в Служебнике (РНБ Q.п. 1.67), который датируется началом XIV в.: «В лет(о) 6[8]25 преставися раба б(о)жия княг[ы]ни М(а)рия

Домонтова ноябрь въ 6 на памят(ь) [свято]г[о] [.].с[.] Павла Исповедника» [20, с. 67]. Захоронение княгини в псковском Иоанно-Предтеченском монастыре упоминалось в документах XVI–XVII вв., над гробницей находилась черная доска над с надписью, в которой был указан день памяти 8 ноября [12, с. 7–8].

С именем Довмонта справедливо связывается укрепление самостоятельности Пскова. Политический вес города значительно возрос за время его княжения. В то же время, во внутрирусских делах Довмонт был чужд сепаратизма, и в последней четверти XIII в. ориентировался на политику владимирского великого князя Дмитрия Александровича, с которым у Довмонта установилась прочная личная связь: с ним он ходил в Карельскую землю в 1278 г., а в 1282 г. освободил его дочерей и бояр, захваченных новгородцами и содержащихся в Ладого. По расчетам А. В. Экземплярского, псковский князь в момент изгнания Дмитрия и пленения дочерей находился в Копорье с его дружиной, после рейда на контролировавшуюся новгородцами Ладого вернулся в Копорье на Васильев день (1 января) и вывел союзников великого князя из крепости [26, с. 48; 10, с. 324]. Довмонт занимал сторону Дмитрия Александровича в противостоянии с его братом Андреем Александровичем Городецким. В 1293 г. Дмитрий скрывался от Дюденовой рати у своего союзника в Пскове [17, с. 201–202]. Отметим, что парламентаром к Андрею Городецкому выступил тогда епископ Андрей (Герденев). Ошибочно отождествление с псковским князем одноименного Домонта, который по сообщению Троицкой летописи погиб в 1285 г., возглавляя поход литовцев на волость Олешню и земли тверского епископа [15, с. 344]. Против отождествления говорит то, что убитый Домонт назван не псковским, а великим литовским князем.

После смерти тестя Дмитрия псковский князь стал союзником великого князя Андрея Александровича. Заключительной страницей военного служения Пскову является отражение ливонского нападе-

ния весной 1299 г., когда были разорены пригороды Пскова, убиты игумены Мирожского и Снетогорского монастырей Василий, Иоасаф и с ними 27 монахов [7, с. 199]. Довмонт 5 марта разбил нападавших на р. Пскове у церкви Петра и Павла. В том же году во время эпидемии в Пскове престарелый князь скончался и был похоронен в храме св. Троицы.

Наряду с Повестью, свидетельством начала почитания Довмонта является краткое житие Довмонта, которое сохранилось в составе двух списков Пролога (РГАДА, ф. 381, собр. Синодальной типографии, № 175 [7, с. 200] и 179), которые написаны псковичем Явиллой в первой трети XIV в. В Прологе того же собрания №174, также созданном в Пскове в первой половине XIV в., приводится память без жития, но начало совпадает с текстом прологов, написанных Явиллой: «Въ тѣж д(ь)нь оуспение бл(а)ж(е)наго князя нашег(о) Домонта...». Обозначение блаженным или святым в древнерусском языке не были четко разграничены: так именовались одни и те же лица [19, с. 8]. Отношение жития с Повестью о Довмонте в ППЛ трактовались по-разному: Н. И. Серебрянский считал, что житие – независимый памятник первой половины XIV в., использованный при составлении Повести [19, с. 150], В. И. Охотникова считала, что житие написано в середине XIV в. путем сокращения текста протографа Повести о Довмонте – в сравнении с ППЛ, житие кратко передает лишь некоторые общие сведения о жизни князя [14, с. 404–407, 412–413]. В пользу независимого происхождения данных жития от протографа Повести, по мнению О. В. Лосевой, свидетельствуют различия информации – в тех же списках пролога наряду с житием Довмонта сохранилась Память убиения немцами игуменов и иноков 5 марта 1299 г., где игумены названы по именам (Василий игумен святого Спаса, Иасаф игумен Снетных горы) в то время как в Повести нет имен, нет точного числа монахов (27), пресвитера Ксенофонта и нападение датировано 4 марта.

Становление церковного почитания князя Довмонта основывалось на личных качествах и заслугах перед псковичами. Будучи литовцем, военным организатором и командиром, Довмонт во второй половине XIII в. смог успешно противодействовать литовским набегам, остановил проникновение Ливонского Ордена, повысил обороноспособность и самостоятельность Пскова. Женитьба на Марии Дмитриевне укрепила его положение среди русских князей, а его уважение старшинству владимирских князей заслужило высокую оценку современников в Новгороде, Твери и других русских городах. В Повести о Довмонте, созданной около середины XIV в., он представлен продолжателем дела Александра Невского и его сына Дмитрия, в ней указано, что трудами Довмонта Новгород и Псков были спасены от нападений «поганых немец» [14, с. 419]. Эти слова написаны в тот момент, когда еще живы были свидетели последних лет его деятельности, в том числе весеннего ливонского набега 1299 г. на окрестности Пскова. Псковское духовенство видело в Довмонте защитника веры. Тесные связи с княжеской семьей имел Мирожский в честь Преображения Господня монастырь, Довмонт участвовал в судьбе тверского епископа Андрея, сына нальшанского князя Герденя. При Довмонте построены несколько церквей – в том числе, храм Крестовоздвижения на Княжем дворе в 1266 г., придел св. Леонтия при котором был освящен, вероятно, 13 сентября 1266 г. в честь победы над Герденем [8, с. 159]. Главные черты земного пути защитника «дома святой Троицы», князя-воина – литовца, который руководил обороной вверенного ему русского города, передавались потомками – в кратком проложном житии XIV в., нескольких летописных редакциях Повести о Довмонте, на основании которой в XVI в. было составлено Пространное житие. Нет полной уверенности в том, что князю принадлежал «доспех Довмонта», на центральной пластинке-умбоне которого нанесено изображение креста, но этот доспех конца XIII в., как и жизненный путь псковского князя Довмонта-Тимо-

фея соответствуют идее «дружины Господней» (по А. Е. Мусину [9, с. 94]), «северных крестоносцев» (по Д. Г. Хрусталеву), которые в войнах отстаивали свою веру.

Источники и литература

1. Артемьев, А. Р. Явление албазинским казакам псковских святых // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 1990. № 6. – С. 106–110.

2. Вольтер, Э. А. Где искать Нальшанскую землю Ипатьевской летописи. Историко-географический очерк // Журнал министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Часть СССХХІХ. 1900. Май. – СПб., 1900. – С. 195–201.

3. Галицко-волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. – М., 2005.

4. Гудавичюс, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года / Перевод с литовского Г. И. Ефремова. – М., 2005.

5. Игина, Ю. Ф. Меч псковского князя Довмонта-Тимофея: легенда, реликвия, реплика // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2013. Вып. 3. – С. 151–161.

6. Кузьмин, А. В., Охотникова, В. И., Преображенский, А. С. Довмонт // Православная энциклопедия. Т. XV. – М., 2007. С. 519–527.

7. Лосева, О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. – М., 2009.

8. Мусин, А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. – СПб., 2010.

9. Мусин, А. Е. *Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. – СПб., 2005.

10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.–Л., 1950.

11. Окулич-Казарин, Н. Ф. Спутник по древнему Пскову (Любителям родной старины). 2-е изд. – Псков, 1913.

12. Описание Иоанно-Предтечева Псковского монастыря. – [Дерпт, 1821].
13. Охотникова, В. И. Повесть о Довмонте. – М., 1985.
14. Охотникова, В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв. Исследования и тексты. Т. 1. – СПб., 2007.
15. Приселков, М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. – М.; Л., 1950.
16. ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. – М., 2000.
17. ПСРЛ. Том 5. Издание 3-е. Псковские летописи. Вып. 1. – М., 2003; Вып. 2. – М., 2000.
18. Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. – СПб., 1868.
19. Серебрянский, Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). – М., 1915.
20. Столярова, Л. В. Мария Дмитриевна – жена псковского князя Довмонта // Средневековая Русь. Т. 1. – М., 1996. – С. 58–75.
21. Толстой, М. Святыни и древности Пскова. – М., 1861.
22. Толстой, И., Кондаков Н. Русские древности. Вып. 6. Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. – СПб., 1899.
23. Хрусталева, Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. – СПб., 2012.
24. Чекин, Л. С. «Описание земель». Анонимный географический трактат второй половины XIII в. // Средние века. Вып. 56. – 1993. – С. 206–225.
25. Штырков, С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах северо-восточной Новгородчины). – СПб., 2012.
26. Экземплярский, А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. : биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. 1. – СПб., 1889.